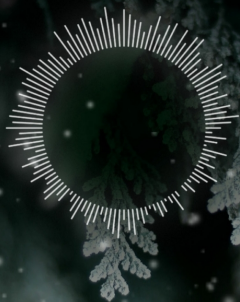

ШАРАПОВА ФАТИМА

Струны
ДУШИ

ОБРЫВАТЬ НЕ СПЕШИ

16+

Фатима Шарапова

Струны души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67043478

SelfPub; 2022

Аннотация

Это неоконченная история о старой новой загадке в мире искусства. Первая книга "Созвездие Джакомо Капротти" посвящена да Винчи.

Струны души повествуют о "Весне" Боттичелли. Те же лица, только на этот раз заснеженный Милан становится безмолвным свидетелем развернувшейся мистической драмы.

Все так же история основывается на настоящем исследовании картин. Только теперь тайна не в звёздах, а мелодии, которую почти не разгадать.

Фатима Шарапова

Струны души

Глава 1

Почти бесцветный ноябрь молчаливо давил серым небом. Тонкими жгутиками мороза он проникал сквозь щели окон, забирался под куртки и пальто, путался в шубках бездомных животных стараясь выкачать побольше тепла из всех живых созданий, только бы согреться самому.

Я стоял на балконе, прижавшись к холодному стеклу окна, и вспоминал события прошедшей весны, от которых, словно доказательство реальности, у меня остались кот да книга. И Михаил.

В середине лета он пришел ко мне с огромной дорожной сумкой, заявив, что негоже таким замечательным людям, как мы, пропадать без собеседника. Вместе с ним ко мне переехало пол книжного магазина. Мой идеально чистый журнальный столик покрылся следами от кружки с кофе, а место ноутбука заняла стопка книг. Я был удивлен, увидев среди исторических произведений и литературы, посвященной искусству, корешок с надписью «Сказочные повести скандинавских писателей».

– Что в этом такого? Я не отрицаю присущий мне инфантилизм, – прокомментировал как-то раз Михаил, лежа на диване и подбрасывая золотистую цепочку с крестом, – Но знаешь что самое интересное? Читая о добрых, искренних поступках, будучи взрослым человеком, ты приходишь в недоумение: «Разве так бывает?»; до последнего ищешь подвох, не находишь, а потом сидишь и думаешь: «А как бы поступили в действительности?».

Иногда Михаил пропадал на неделю, а то и больше, возвращался тихим, задумчивым. По ночам я лежал и слушал его шаги сопровождающиеся звоном той самой золотистой цепочки. Самое интересное, я никогда не видел ее на шее Михаила – он всегда носил эту цепь в руках.

Однажды он забыл ее после завтрака на кухонном столе, и мне удалось рассмотреть, что она из себя представляет. На плотной цепи висел ажурный крестик с распятием. Даже незнание всех тонкостей ювелирного искусства и проб драгоценных металлов не мешало сполна оценить сие искусное творение.

В ту ночь мне приснился человек, чей труп я обнаружил три с половиной года назад на пути к Владимиру. Я сидел напротив него за кухонным столом, плакал, умолял простить,

что не успел спасти, а он взмахами руки пытался остановить поток причитаний. Когда мне удалось совладать с собой, мужчина повернулся в сторону двери, ведущей в коридор, и застыл в ожидании неведомого гостя.

После появления в доме новых людей кухня превратилась в эпицентр всех событий. Стабильно раз в месяц на ней появлялась Габриэлла. Вдоволь наговорившись, я отправлялся на прогулку с котом. По приходу домой я заставал Габриэлла в рубашке Михаила, хозяйничающую за плитой в окружении дыма от сигарет.

Тут же сидел Михаил с ноутбуком на коленях, верящий в тайный смысл картины Боттичелли «Весна». Вдохновленный нашим всеобщим успехом с решением головоломки на картинах Да Винчи, он призывал нас всех взяться за нового итальянского живописца. Только почему-то никто из нас особого энтузиазма по этому поводу не испытывал.

В этом месяце Габриэлла как всегда пробыла неделю и уехала, оставив аромат жасмина и обещание вернуться в декабря. После ее отъезда Михаил превратился в тень.

Струна 1

В последнее время он стал реже покидать стены дома и

практически не спал. Я насильно вытаскивал его наружу на наши совместные вечерние прогулки с котом. Мне хотелось растормошить его, выяснить, что происходит, но разговор неизменно сводился к «Весне».

При этом каждый раз, рассматривая сие произведение искусства, я убеждался в правоте Михаила. Одна фигура, а затем последующие за ней три вполне подходили под ритм неизвестной мелодии. Я сам не заметил, как отбросил работу над статьей о проблемах с коммуникациями в городе и с головой ушел в искания.

– Меркурий, это тот, что первый слева, очень похож на ключ музыкальный, только отраженный по горизонтали, – Михаил перевел взгляд от ноутбука к распахнутому музыкальному словарю справа от себя. Он нашел его среди моих сокровищ – книг, спрятанных подальше от людских глаз в заднем ряду, книг, к которым я испытывал особую симпатию и не желал ни с кем делиться. Я разрешил ему покопаться в моем книжном шкафу, чтобы хоть как-то разбавить тьму, в которую он погружался.

Эта маленькая толстая книжка с бежевой обложкой и пожелтевшими от времени страницами напоминала мне о Вене, о новогодних праздниках, когда ряженые дамы и мужи собираются в первый день нового года в Золотом зале Вен-

ской филармонии. Шелестя одеждами, в полголоса они переговариваясь друг с другом, занимают места.

Вместе с ароматом духов в зале витает предвкушение. Оно проносится меж лож у самого потолка, украшенного изящной росписью и лепнинами, спускается к переполненным рядам внизу, и, наконец, зал погружается в тишину, которая тут же нарушается раскатом первого аккорда. На протяжении двух с половиной часов внимание слушателей принадлежит чарующим мелодиям, летящим с высоты, где расположился филармонический оркестр.

Теперь же страницы книги напоминали воды Дуная с бороздящей по ней синей яхтой – пристальным взглядом Михаила, ищущим малейшее сходство нотных знаков с людьми на картине.

– Мне так не кажется, – попробовал я визуально наложить контуры музыкального ключа на фигуру молодого человека, – Если только повернуть его слева на право. Думаешь, Боттичелли повторил трюк Да Винчи? – я отвлекся от созерцания картины и аккордов из-за спины Михаила.

– А почему нет? – тут же произвел он манипуляцию со сменой сторон картины в графическом редакторе, – Действительно, смотри! Когда Зефир, летящий за Хлоридой, на-

ходится слева, картина, становится... м-м-м более осмысленной? Он летит за Хлоридой. Она в свою очередь превращается во Флору. Тут пауза или нота вверх в виде Венеры с парящим над ней Амуром. Он... целится в одну из Хорит, что взялись за руки и кружат меж Венерой и Меркурием. И вот в конце Меркурий с жезлом в руках. Кстати, бывает такое, что нотный ключ – справа, а не слева? – оторвался он от картины и посмотрел на меня. Я покачал головой. – Тогда я где-то ошибся, – вздохнул он и потер покрасневшие от недосыпа глаза.

– А что было до нот, которые мы используем сегодня? – неожиданно мне в голову пришла хорошая идея, – Какие знаки использовали люди пару сотен лет назад, чтобы записать новую композицию?

– М-м-м. Новая композиция? – засмеялся он, – Не знаю, не знаю. Самая древняя музыка, которую я когда-либо слышал и слушал это африканские барабаны в исполнении самих африканцев из разных племен и классика. В первом случае вряд ли существуют какие-либо ноты, во втором случае, думаю, нотация мало чем отличается от нашей современной. А это были 17-18 века.

– Ты был в Африке? – удивился я, услышав о барабанах, – Каким ветром тебя туда занесло?

– Попутным. Мне нужно было сбежать от себя и от своего окружения. Вдали от цивилизаций, без условий, оставшись наедине с природой, ты понимаешь, насколько драгоценна жизнь, – Мой собеседник вздохнул и потер лицо руками. – Помнишь, ты задавал вопрос о руке, а я ответил о несчастном случае? – дождавшись утвердительного кивка, он продолжил, – Мой отец был военным. Слава богу, я смог отстоять учебу в нормальной школе, а после поступил в физмат. Хотя, конечно, это было его условие.

***

В голубоватом свете светодиодных ламп-свечек горькая усмешка на сером уставшем лице, выглядела особенно трагично, даже заставила почувствовать вину за заданный год назад вопрос. Я не представлял, как много пришлось пережить этому загадочному человеку, но был безмерно рад, что в этот вечер он решил впустить меня за порог своей души.

– Недоучившись в универе год, я пошел на службу к отцу. Я оказался посреди на чужой земле посреди чужой войны, – Михаил закрыл и отложил книгу в сторону, -

Взрыв, произошедший из-за такого же чужого слепого желания отомстить, отправил меня в полет, чуть не лишил руки, но не убил. Я очнулся в палате. Ужасно хотелось пить. На

этом планы отца рухнули, а я стал другим человеком. Знаешь, – с тяжелым вздохом достал он из кармана крест на цепи и принялся трясти его в ладони, – я сам натворил немало бед, и теперь расплачиваюсь. Ты веришь в существование души? – неожиданно он поднял на меня глаза.

– Отношусь скептически, – после некоторых минут раздумий у меня получилось сформулировать внятный ответ на странный вопрос, – Цепочка с распятием как-то с этим связана?

– Отчасти, – пробормотал Михаил, убрал в карман цепочку и закрыл ноутбук, – Честно говоря, я тоже скептик. Но все-таки не мешает послушать экспертов. Что ты думаешь о путешествии в Милан? – он посмотрел на меня, – Ты наверняка давно не эксплуатировал кота, аж разжирел он вон как. Помнишь ключевую фразу-вопрос?

– Ага, – Я погладил кота, лежащего на стуле рядом с Михаилом, и присел напротив.

– Кстати, от Владимира что-то мало вестей, – Михаил встал и подошел к кофе-машине. – Владимир... Заразился от тебя официозом. В этом мире вообще есть человек, которого ты относишь к личному кругу? – пробухтел он себе под нос, усаживаясь на прежнее место с полной кружкой кофе, –

Живу с тобой уже... сколько? Полгода? Ни разу не слышал, чтобы ты говорил о своей девушке или... девушках?

– Ну, потому что ее... или их... нет, – улыбнулся я, наливая себе чай, – С последней мы разошлись, как раз таки перед тем, как меня занесло к вам.

– А почему?

– Не выношу глупость и бездушие, – пожал я плечами, вспоминая о последней бывшей пассии.

– Бездушие... А в чем оно по твоему проявляется?

– Она не любила животных, но любила машины, – назвал я первую причину, пришедшую мне в голову.

– Как долго с ней встречались-то? – отхлебнул кофе Михаил.

– Полгода.

– Если она была глупа, то о чем вы с ней говорили? Или совсем не разговаривали? – усмехнувшись, он прищурил левый глаз.

– Говорили. О музыке. Есть преимущество быть меломаном.

– Да-а-а, – протянул Михаил, – Я диву даюсь тому, как ты смешиваешь в плей-листе П Divo с какой-то молодежной рок-группой.

– Dead by April, – уточнил я название той самой «молодежной рок-группы», – Они хорошо сочетаются с П Divo. Впрочем, П Divo также прекрасно сочетается Металликой, – вспомнил свой опыт в составлении плей-листов.

– Да-да, мы уже выяснили, что ты извращенец, – кивнул он своим словам и рассмеялся, – Ну так что на счет Милана?

– А что мне там делать?

– Неужели ты не хочешь знать историю этой цепи? – Михаил снова вытащил из кармана украшение и покачал им у меня перед носом, – К тому же я тебя познакомлю с двумя интересными людьми. Один из них разбирается в музыке. Он поможет нам с Боттичелли.

– Когда ты туда собираешься отправляться?

– Завтра вечером. Я уже собрал вещи и купил билет. Про-

водник-то меня переправлять не хочет, – кивнул он в сторону подтягивающегося животного. Кот словно понял, что Михаил говорит о нем, посмотрел на него с высунутым кончиком языка, облизнулся и принялся чесать за ухом.

– Как мы встретимся, если ты летишь, а я... не по-человечески?

– Кот сам определит нужное время и нужное место, – посмотрел он на пустой стул, где только что лежал кот, – Вот только не проговорись людям, с которыми мы встречаемся, о возможностях кота. Если вдруг что, просто скажи, что прилетел позже из-за возникших неотложных дел.

– С чего вдруг такое предупреждение?

– Один слегка интересуется квантовой физикой, другой ее изучает, – снова рассмеялся своим мыслям Михаил, – Ну так значит ты со мной? – дождавшись моего неуверенного кивка, улыбнулся, подхватил ноутбук и направился в зал.

Глава 2

Полночи в голове попеременно крутились мысли о статье, о сне наяву. Мне до сих пор не верилось в реальность происходящего. То перемещение в Неаполь, изучение картин Лео-

нарко да Винчи казалось чем-то эфемерным, выдуманном мною самим из-за желания разбавить пресные, повторяющиеся монохромные будни специей острых ощущений.

Не выдержав, я закрыл совершенно пустой текстовый документ и, по пути к себе в комнату, заглянул в зал. Михаил в полудреме сидел на полу, облокотившись спиной о диван. Из наушников на пол головы доносилось «All the right moves» One Republic.

Он не заметил, как я присел рядом с ним. Когда его локоть случайно задел мое предплечье, Михаил вдруг резко отбросил свой ноутбук и заключил в удушающий захват мою шею. Выскочивший штекер от наушников не остановил воспроизведение песни и в тиши комнат зазвучало:

«They got all the right friends in all the right places. So yeah, we're going down...»

Не знаю, что именно отрезвило моего соседа – громкий звук или мои нелепые удары в бок, но он быстро выпустил мою шею из захвата и оттолкнул в сторону.

Пока я пытался откашляться и восполнить утраченный кислород, Михаил сидел потерянный, разглядывая ладони.

– Прошу меня извинить, – дождавшись моего возвращения в вертикальное положение, горе-сосед потянул руку к моему плечу и тут же отдернул, – Я действовал на автопилоте, – робко продолжил свои извинения, прислушиваясь к моим хрипам, – Но не переживай, утром меня уже здесь не будет, – отложив наушники в сторону, он потянулся за перевернувшимся ноутбуком.

– Какого черта это вообще было? – выдавил я единственный вразумительный вопрос, бывшийся пташкой в клетке моего слегка замутненного сознания.

– Не смог отличить реальность ото сна. Меня не будет... – положив левую руку на закрытый ноутбук, Михаил правой сжал переносицу, отпустил, и откинул голову на диван, так будто она держалась не на твердой устойчивой шее, а на веревке.

– Ложись нормально спать! – проворчал я, пытаюсь разобраться в своем смятении.

Злость, порожденная страхом, проиграла в борьбе с сочувствием. «Правильные маски, неправильные поступки» – вспомнились мне слова песни. Он боялся себя.

Устав глядеть в одну точку, я накрыл покрывалом спяще-

го друга, встал и пошел обратно на кухню. Сна не было ни в одном глазу. Кот залез в раковину и облизывал кран.

Я налил ему воду в чашку, подключил зарядку ноутбука к розетке и запустил загрузку системы. Нужно было как-то отвлечься. Лучше всего для этого подходила расшифровка картины Ботичелли.

Струна 2

Пережитый скачок адреналина разогнал сон, но уставший мозг было не обмануть. Пару минут ушло на бессмысленное созерцание обоев рабочего стола, прежде чем дошло с чего следует начать поиск.

Только вместо запроса «что использовали до нот» я вбил в поисковик данные какой-то из статистик, составленных мною для рабочей статьи. Очнувшись, быстро исправил ситуацию и принялся вчитываться в сниппеты. Недолго думая прокрутил к началу и открыл Википедию.

«До нот в европейской музыке использовались особые знаки – невмы», – гласило первое предложение в разделе История. Слово «невмы» было активной ссылкой, и я перешел.

Как оказалось, невменная нотация использовалась в Средневековой Европе «главным образом для записи цер-

ковной монодической музыки – григорианского хора». Среди стран активно использующих подобного рода нотацию числилась Византия, Русь и Армения.

Невмы не указывали на высоту звука и его длительность. Они всего лишь напоминали об уже разученной заранее мелодии. Это вызывало некоторого рода сложности, но я почему-то продолжил изучение статьи, точнее прокрутил в самый низ, где стройными рядами выступали изображения невим. Ромбики, квадратики с черточками мало чем напоминали современные изящные округлые ноты. Под каждой картинкой имелось название знака на латинском языке. Я тут же открыл картину Боттичелли и стал искать сходство с невименной нотацией.

В первую очередь, на что я обратил внимание – это жесты рук. Полное незнание музыкальной грамоты вызывало страх перед исследованием, поэтому лучшей стратегией, на мой взгляд, было использование предыдущего опыта.

Меркурий с поднятой вверх рукой напоминал *climacus*, а точнее эпиземированный *climacus*.

Кружащиеся Грации с переплетенными руками ясно давали понять – их нельзя рассматривать как нечто отдельное, поэтому к ним как раз подходил *subpunctis*. Но если сле-

довать за ритмом раз-два-три-раз, то их руки походили на torculus, clivis и pressus.

Венеру с Амуром я видел как scandicus или эпиземированный torculus.

Флора и Хларида вместе составляли porrectus.

Зефир был похож на quilisma.

Мне хотелось более подробно прочитать про невмы. Я закрыл единственную активную вкладку со статьей Википедии и мой браузер закрылся вместе с ней. Приняв это как знак свыше, отключил ноутбук и решил заварить чай.

Чайник как всегда оказался пуст, пришлось набирать и ставить. Я сам не заметил, как под мирное гудение электрочайника положил голову на стол и уснул.

***

Удивительно, какой громкой бывает тишина. Ты просыпаться не из-за душераздирающих сигналов потревоженного автомобиля, криков за стеной или работающего перфоратора, ты пробуждаешься из-за звона в ушах, звуков своего дыхания или человека, сидящего напротив и легонько постуки-

вающего подушечкой пальца по мягкой скатерти кухонного стола.

Три часа сна за кухонным столом не могли пройти без последствий. Рука, выполняющая роль подушки, по ощущениям превратилась в чужеродный объект, легкие требовали больше кислорода, а спина – справедливости.

Совершив парочку глубоких вдохов и выдохов, я оглядел размытый интерьер и попытался вспомнить, каким чудом мое брэнное тело очутилось на кухне, ведь последним отчетливым воспоминанием было шествие в сторону спальни.

Я протер глаза и наткнулся на силуэт человека. Он сидел напротив меня, мягко постукивая по столу пальцем. Его взгляд был устремлен в коридор. Ощувив на себе интерес с моей стороны, человек повернулся ко мне, улыбнулся уголками губ и столкнул по столу ладонью. Я застыл.

Тысячи тонюсеньких иголок беспощадно кололи мою затекшую руку. Это мерзкое ощущение было пропитано явью, но не объясняло, почему я вижу перед собой давно почившего незнакомца.

– В-в-вы же умерли! – не узнал я свой голос.

– Рома, ты че? – такой невинный вопрос заставил меня подскочить, опрокинуть стул, судорожно дыша, пятиться назад.

«Откуда он знает мое имя? Откуда?» – билось в затравленном разуме. Натолкнувшись на сиденье стула, под обиженный звон чашек я больно приложился копчиком о край «посудного» стола.

– Рома, ты чего? Это я... Михаил.

– Ми-ми-михаил, – смертельный холод, сковывающий мои губы, погасил еле пробивающий шепот. Прозвучавшее имя напомнило о чем-то знакомом, но далеком, привычном, но нереальном.

Я судорожно выдохнул, поднял стул с пола, сел на место и уронил голову на сложенные в замок дрожащие руки. В темноте за закрытыми глазами всплывали кадры диафильма с событиями сегодняшней ночи.

– Думал уйти, не попрощавшись, но мне показалось это неправильным. Кажется, следовало поступить именно так. Я действительно сожалею о том, что натворил вчера, – Михаил замолчал и продолжил тихим голосом, – Оправдания бессмысленны. Все и так ясно, – он вздохнул, – Я пойму, если

ты откажешься мне помогать, – и добавил еще тише, – Хотя в этой ситуации мне следует разобраться самому, – снова замолк, стукнул ладонью по столу и уже нормальным голосом подытожил, – Ладно, мне пора. Через 2 часа самолет. Если захочешь присоединиться, то мы обязательно встретимся, а пока прощай.

Я слушал его монолог и постепенно приходил в себя. Ни злости, ни обиды – в осадке, оставшемся после ночного инцидента, не наблюдались чувства, которые бы стали препятствием нашему совместному поиску неведомой истины. Мне не удалось объяснить себе, почему именно так, но стало ясно одно – мы не доверяем друг другу до конца. Борясь со жгучим чувством стыда из-за проявленной слабости, я поднял голову и спросил:

– Может, все-таки назначим какое-то определенное место встречи?

– Не хочешь упускать шанс? – Михаил встал из-за стола и подхватил с пола рюкзак.

– Не хочу испытывать сожаления, – я встал, чтобы проводить его до двери, – Ну так что на счет места встречи? – повторил вопрос, глядя, как он достает из кармана перчатки.

– Я назначил встречу на сегодня в 6 часов вечера возле памятника на площади Дуомо. Одного зовут Габриэль, другого – Кенджи. Ты вроде не бывал ранее в Милане, поэтому если вдруг я не успею или еще что, – Михаил сдвинул брови и ненадолго замолк, – то позвоню Амалии – она по тебе соскучилась. К тому же она с ними знакома. Так что до встречи, мой друг, – хлопнул он меня по плечу, постоял у порога, затем скрылся в лестничных пролетах.

Каждое прощание оставляет послевкусие. Закрывая за ним дверь, я вдруг ощутил себя стоящим посреди лабиринта Минотавра. Неизвестность, азарт подгоняли вперед, а разум требовал немедленного возвращения. Только я запретил себе сворачивать назад. Оставалось только одно, самое трудное – ждать, ждать подходящего случая, чтобы сделать следующий шаг.

Я пошел в зал рыться среди бумажных стопок на вершине книжного шкафа. В конце прошлого года мне вдруг взбрело в голову бросить курить. Последняя пачка Ротманс, купленная мной, так и осталась непечатой и отправилась отлеживаться наверху среди бумаг в ожидании своего звездного часа.

– Ну что вспомним старое? – спросил кота, распахивая дверь из спальни на балкончик, и попал в центр маленького

снежного вихря. Курить перехотелось. Я отложил пачку сигарет на покрывшийся каплями подоконник и принялся наблюдать за мягким гипнотическим танцем белых пушинок.

Тусклый свет фонарей посреди раннего снежного ноябрьского утра, редкие сияющие окна – все это заставило меня вспомнить далекое прошлое: старую куцую елку с блестящими разноцветными игрушками, добрые советские новогодние поздравительные открытки, предвкушение волшебства и праздника, потерянное в последующие годы.

Они заставили меня вспомнить уютные зимние вечера, когда маленький я просил взрослых выключить в зале свет и включить подмигивающие теплым чуть оранжевым светом елочные фонарики. Следы краски по краям лампочек говорили о том, что их пытались сделать разноцветными, но цвету предпочли яркое сияние огоньков. Мне вспомнились замечательные дни, когда мы с бабушкой оставались одни, и она читала вслух разные сказки. Продрогший, повзрослевший я потянулся за промокшей пачкой и закурил. Мне почему-то захотелось сию минуту поглядеть на картины, посвященные празднованию Рождества. Я докурил сигарету и закрыл дверь.

В зале я завис над книгой о русских художниках, недочитанной Михаилом, потом продолжил читать «Наедине с осе-

нюю» Паустовского. Взглянув на дату написания рассказа, я вспомнил о крайнем сроке сдачи статьи, тут же отложил книгу и пошел собирать «пазл» из добытых материалов.

Густое с горьковатым вкусом ностальгии и хрустом первого снега утро томно сменилось флегматичным днем. Темнота за окном плавно перешла к мягкому голубоватому свету. В доме царил блаженная тишина. Она набросила на мои плечи вдохновение, заставила склониться над клавиатурой и сплестать букву за буквой в целостные весомые слова. И вот, ура! Крошечная точка завершила объемный текст, и файл отправился на электронный ящик редактора.

Кухонные часы показывали два часа – время варить картошку. Содрав шкурки с целой кастрюли овощей, я вдруг осознал, что сегодня ем один. Тишина утратила свою невесомость: я неожиданно для себя почувствовал необходимость с кем-нибудь поговорить.

Покончив с обедом, я потянулся к смартфону. Среди поступающих бесконечным потоком гневных писем редактора чуть было не потерялось послание от Михаила. Письмо пришло час назад, я открыл его и принялся читать:

«У меня проблемы.»

Место: Roberto Cacciapaglia – Times.

Найди Амалию. На месте ждем Roberto Cacciapaglia – Double vision».

Я трижды перечитал содержимое, только два предложения имели для меня хоть какой-то смысл. Пришла пора действовать.

Я оставил грузиться запрос «Роберто Каччапалья» и отправился собираться. Каково же было мое разочарование, когда, вернувшись готовым, обнаружил всего лишь досье на композитора из Милана.

Родился 28 декабря 1953 года в Милане; окончил Миланскую консерваторию имени Верди; в своих произведениях использует не только живые инструменты, но и электронную музыку. В его биографии не было ничего сверхъестественного за исключением того, что он олицетворял собой человека, обгоняющего время, и родился он как раз в том городе, в котором мы должны были встретиться с Михаилом. Я решил перейти к прослушиванию упомянутых композиций.

Первой на очереди была «Times». Я нашел ее, нажал на кнопку воспроизведения и... Никогда еще не чувствовал се-

бя таким слабым и скованным. Сильная, смелая мелодия не ставила рамок слушателю, она их разрывала, расширяла горизонт, заставляла по-новому взглянуть на мир и на себя. Однако мелодия с названием «Времена» отнюдь не ассоциировалась с местом встречи.

Второе произведение с названием *Double Vision* было из того же альбома что и *Times*. Оно отличалось большим спокойствием, но не уступало в силе. Обе композиции явно на что-то указывали, но у меня не имелось толковых идей.

– *Quodo tempus?* – растормошил я кота, решив довериться его чутью. Пушистый проводник тихо мяукнул, повернул голову, прижав уши к стулу, спрятался за лапками и продолжил спать, – Почему я не купил билет как все нормальные люди? – стукнул я по столу.

Хотя встречу, назначенную в духе: «Иди туда, не зная куда. Встреться с тем, не зная с кем», – не спасли бы даже вовремя приобретенные билеты, но я решил предпринять все возможное, что было в моих силах.

За раздумьями и поиском рейса в Милан, назначенного хотя бы на завтра, я не заметил, как кот перебрался на стол. Не выдержав отсутствия внимания к своей персоне, он развалился прямо передо мной на руки, ставшие частью клави-

атуры. Я освободил одну, потер глаза и вздохнул на часы: полчаса времени пролетели впустую.

– Нам бы сейчас связаться с Габриэллой, – пробормотал себе под нос и, уповая на собственное везение, вызвал абонента, но потерпел фиаско.

Нужно было переодеться. Я встал из-за стола и пошел в спальню, в коридоре споткнулся о кота.

– *Quodo tempus?* – уже скорее в шутку спросил у товарища, пляшущего у входной двери. Он принялся царапать дверь. Подумав, я вернулся на кухню за рюкзаком; достал свои тяжеленные ботинки; потерял пять минут за размышлением, что лучше надеть пальто или куртку; выбрал последнее и покинул дом.

Глава 3

Кот бежал по спрессованному серо-коричневому снегу с редкими проступающими темными пятнами асфальта, иногда отбегал в пушистые сугробы, пропуская новых гудящих «прессовщиков» снега, а потом возвращался на проторенный стальными гигантами путь и брезгливо отряхивал лапки. Я пробовал взять его на руки, запрятать за пазуху, в рюкзак, но упрямец принялся извиваться ужом и чуть не порвал

мне куртку.

У самой точки перехода с неба снова посыпались колющиеся холодом хрупкие белые перья. Медленно кружась, они словно бинт ложились ровным слоем на испорченный бурый снег, они укрывали нежной периной спящие деревья и словно мушки досаждали пешеходам и водителям. Почему-то на ум пришла сказка братьев Гримм про Госпожу Метелицу. Я позволил себе ребячество: высунул язык и принялся ловить особо крупные хлопья.

Именно так, с высунутым языком я застал момент перехода. Испод серого слоя пустоши проступила миланская улица с темными стенами красивых старых домов и ярко-желтым трамвайчиком. Он казался ребенком, которого родители отпустили погулять с бабушкой и дедушкой, и теперь он бегал между стариками. Те ласково смотрели на него и наслаждались свежим воздухом за разговорами с другими.

Кот рванул в раскрывающиеся двери, под ноги нескольких человек, пожелавшими стать пассажирами этого чудного средства передвижения. Я рванул за котом и успел заскочить последним. Стук закрывающихся дверей за спиной отрезал путь назад. Он плавно перетек в глухой стук железных колес, с которым забилось в унисон мое беспокойное сердце и звучали мелодии Роберто Каччапальи из Ten directions..

Я не знал где мы, где наша остановка, поэтому неотрывно смотрел вниз, наблюдал за реакцией кота, ерзающего у моих ног. Не знаю, сколько нам пришлось проехать, но неожиданно маленький гид подскочил и вылетел в открытые двери. Я сунул кондуктору в руку какую-то скомканную бумажку и сопровождаемый криками побежал за ним.

Мы обогнули трамвайчик, и перед взором во всей красе предстал величественный Миланский собор. Я спотыкнулся и остановился. От вида сырого потемневшего камня, обращенного в кружево, перехватило дыхание.

То, что возвышалось здесь передо мной в этот снежный осенний вечер никоим образом не походило на творение рук человека. Удивительная сила и власть таилась в этих хрупких башенках и ювелирных узорах над верхними окнами и внутри них. Очнувшись от оцепенения, я огляделся вокруг и увидел, что стою за оградой возле входа в метро. Кота нигде не было, зато наткнулся на гневный взгляд карих глаз испод светло-розовой шапки.

– Я тут, значит, мерзну, а ты туриста изображаешь, – пробухтело создание в безразмерной черной куртке с маленьким рюкзачком, по нос укутанное в такой же светло-розовый шарф.

– Эм, добрый вечер, – осторожно поприветствовал я, чем вызвал гневное недоумение.

– Добрый вечер? Добрый вечер!?! Ты издеваешься надо мной! Если сейчас же не перелезешь через ограду и не спустишься в метро, можешь разворачиваться и возвращаться обратно! Михаилу скажу, что ты не пришел, – создание закончило гневную тираду взмахом рук и начало спускаться вниз. Я опешил, но оглядевшись вокруг, все-таки последовал указаниям и поспешил вслед за ней.

– Амалия? Тебя и не узнать без твоей розовой куртки, – нагнал ее возле кассы покупающую билеты.

– Нет, вы поглядите на него! Он все-таки издевается, – она опять взмахнула руками и смела одним движением два билета с подоконника кассы, – Холод! Снег! Я целый час жду его возле памятника, а он, видите ли, архитектуру стоит, изучает и еще издевается.

– Вообще-то я только подошел, и не знал, куда точно идти, – попробовал оправдаться я, – Ты получила от Михаила сообщение?

– Если не знал, куда точно идти то на черта приперся к

Дуомо? – надвинулась на меня обвинительница.

– Потому, что Михаил изначально назначил встречу там, а потом прислал странное сообщение, в котором место обозначалось мелодией композитора.

– Мелодией композитора, хорошо, – миролюбиво согласилась Амалия, освободив рот от шарфа, – Но что непонятного в «Moscow river»?

– Нет.

– Что нет? – резко остановилась и развернулась ко мне собеседница.

– Нет, – повторил я отрицание, – Это была композиция Times, – я посмотрел в ее широко распахнувшиеся глаза, – Ты знаешь, что она могла бы значить?

– Ты уверен в этом?

– Да, – я, было, полез за телефоном, но вспомнил о нашем местонахождении, – Тебе, значит, прислал он «Moscow river». А оно что значит? – снова заглянул ей в лицо.

– Значит, что мы должны были встретиться на станции

метро Moscovia, – уже задумчиво пробормотала Амалия, заходя в вагон подъехавшего поезда, и села спиной к окну.

– Если место встречи было иным, почему ты пришла к собору? – спросил я, всё также, наблюдая за задумчивым выражением ее лица.

– Сама не знаю. Очнулась уже в метро, – стушевалась Амалия и мило сморщила нос.

– Times, значит, тоже означает какое-то место, – озвучил я свои размышления.

– Да, – тихо согласилась она, – И, кажется, я его знаю.

– И куда нам держать путь-дорогу?

– К башне с часами. Кастелло Сфорцеско. А тебе что пришло в голову?

– Увы, ничего. Я не знаком с Миланом, поэтому рад, что мы встретились, – улыбнулся я, – – А в твоём сообщении упоминалась композиция Double vision? – вспомнил я еще одно музыкальное произведение, использованное в сообщении в качестве шифра.

– Кстати, да-а-а, – протянула она, ткнув пальцем перед собой, – Нас же ждут еще два человека.

– Михаил сказал, что ты с ними знакома. Чего нам ждать? – выразил свою тревогу в одном вопросе.

– Габриэль – знакомый Габриэллы. Тебе сказали – он священник? – я покачал головой, и Амалия погрузилась в воспоминания, – Они познакомились на работе. Он приходил к нам домой, долго молчал. Я втянула его в спор, доконала, как потом сказала Габриэлла, затем мы сели пить кофе и помирились. С того времени иногда общаемся. Он очень интересный человек, хороший, добрый, серьезный, играет на гитаре, пьет сладкий кофе. С Кенджи он нас познакомил. Кенджи – атеист с налетом буддиста, – дала она неоднозначную характеристику и усмехнулась, – Он, наверное, единственный человек к которому Габриэль прислушивается после Бога, – сделала акцент бровями на два последних слова, – Кенджи – физик. В последнее время мы стали общаться чаще обычного, – завершила она свой рассказ.

Небольшой отрезок пути мы проехали молча. Я остановил играющего на фоне Роберто Каччапалья и размышлял над причиной сбора нашей небольшой компании, гадал, в какую неприятность влип Михаил. Амалия в это время сидела, обняв себя левой рукой за талию, и похлопывала правым ука-

зательным пальцем по кончику носа. Когда рукам становилось холодно, она прятала их в длинных объемных рукавах своей темной мягкой куртки, легко скрывающих по кончик тонкие чуть загорелые пальцы с красными острыми ногтями.

Недосып, умеренный гул и легкое покачивание вагона постепенно замедляли ход мыслей, покрывали свинцом веки, голову. Меня растормошила Амалия. Она глубоко вздохнула, приставила кончики пальцев друг к другу, и, глядя на них, произнесла:

– Помнишь, когда ты разгадал загадку Да Винчи, мы побежали с тобой в парк, и там столкнулись с Михаилом? Я тогда сказала, что мы затеяли те фальшивые убийства потому, что по ночам перемещались в Лувр, и нам это надоело, а Михаил сказал, что это был сон.

– Помню что-то такое, – поднапряг я память.

– Это была чистая правда, – произнесла она и сделала драматическую паузу, – Начну с предыстории. Я тогда украла кота у Габриэллы и Михаила и сбежала из дома к друзьям на нашу съемную квартиру. В ту ночь мне в первый раз приснился Лувр. Мы тогда засиделись допоздна и в результате уснули, где сидели, – махнула она обеими руками, – У нас есть один друг, который издевается над «эстетами». Он

не плохой человек. Наоборот, он лучше всех разбирается в искусстве. Например, покажешь ему картину, ты не знаешь, что за художник, картина, а он откуда-то знает. Но не суть, – махнула она рукой, – Я не помню, как тогда уснула, но вот просыпаюсь утром под говор и смех и слышу, как он саркастически рассказывает про Лувр. Почти тоже самое, только без идиотских комментариев, рассказывали мой парень и другой друг. Я сразу вспомнила о легенде, которую придумала коту Габриэлла. До слов Михаила о том, что он проверял и это был лишь сон, я действительно думала, что мы каждую ночь отправлялись в Лувр к картине Иоанна Крестителя. Обстановка в зале музея, картина – всё выглядело настолько реальным, – Амалия подчеркнула последние слова покачиванием руки ладонью вниз, – Ты веришь? Я даже раму смогла пощупать! – воздела она к потолку спрятанные в рукава руки, – Это было просто невероятно! Как минимум три раза в неделю мы видели один и тот же сон. Поначалу это было интересно, но потом надоело. Мы начали искать причину. Я даже вернула кота, прочитала о загадке, будила всех искать решение, искала сама, но...ни к чему не пришла. Я отправилась к Михаилу. Ты, наверное, помнишь день, когда мы встретились, – Амалия взглянула на меня и снова сосредоточила взгляд на невидимой точке на полу, – Мы с Михаилом плечом к плечу стояли у входа в магазин. Я уже собиралась уходить. Вдруг из пустоты появляется кот, потом – человек. Я сначала не поверила, но когда взглянула

на Михаила, то поняла, что не одна страдаю галлюцинациями, – вдохнула Амалия, ненадолго замолкла, и потом продолжила, – Ну так вот. Тебе никогда не хотелось понять, как происходят эти перемещения?

Я слушал ее монолог и сравнивал наши ситуации. Она до последнего не сомневалась в действительности происходящего, я же по-прежнему считал это сном. Ею руководило желание докопаться до сути, мне же нравилась неопределенность, нравилось, что таинство, постигнутое только одним маленьким существом, оставалось нераскрытым для других.

– Нет. Я все еще думаю, что это сон и не хочу думать иначе, – честно поведал я о том, что думал, остановив взгляд на ее медленно ползущих вверх бровях, – Но согласен с Михаилом – не следует рассказывать о том, что мы пережили.

– Ты считаешь, тем двоим не стоит знать о коте? Боишься, что будут ставить на нем эксперименты? – подняла она на меня свои большие карие глаза, – Кстати, как ты прибыл в Милан?

– На самолете, – не моргнув глазом, выдал я заранее отрепетированную ложь.

– Серьезно?

– Да. А подъехал к собору на трамвае. Только не смог сориентироваться.

– Ты ни разу не был в Милане?

– Не-а, – покрутил я головой, – Это впервые.

– А где ты остановился?

– Пока нигде. Я слишком торопился на встречу, поэтому вопрос с гостиницей для меня остается открытым, – потер я переносицу, но почувствовал на себе чужой взгляд, повернулся и попал в ловушку бездонных глаз. Их чарующий магнетизм сковал меня по рукам и ногам, затянул в темную пучину, кроющуюся в самом центре. Голос Амалии, доносившийся сквозь толщу воды, требовал моего возвращения на Землю, а я погряз в этом кристально чистом омуте без шанса на выживание.

Осознав, что слова бесполезны, Амалия пустила в ход тяжелую артиллерию. Мощный удар по спине выбил весь воздух из легких и чуть не отправил вспахивать носом пол вагона.

– Ты вообще слышишь, что я говорю? – нагнулась она ко

мне, когда я согнулся в кашле, подавившись слюной, – Мы выходим на следующей!

Не знаю, что она прочла в посланном в ее сторону взгляде, но это лишь заставило ее усмехнуться.

– Вставай, пошли к выходу, – потянула она меня к распахнувшимся дверям. Когда мы выбрались из зеленого вагона, моя спутница остановилась, чтобы дать мне откашляться и принялась делиться информацией об остаточном маршруте:

– Сейчас нам идти около 10 минут пешком. Дойдем до входа в «Москова» и подождем 5 минут Михаила. Потом снова сядем на метро. За 4 минуты доедем до Ланза. Оттуда пойдем до Сфорцеско пешком. На это уйдет где-то 3-4 минуты. Все было бы намного проще, если бы Михаил не играл бы в свои шпионские игры. Что ему стоило пойти на встречу вместе с нами, а не заставлять нас скакать с вагона в вагон?

Я слушал, как она тараторит и пытался сложить в уме все прозвучавшие цифры. Выходило около 30 минут. С учетом потраченного времени на поездку к Дуомо и от Дуомо получался целый час.

– Нас, наверное, уже не ждут, – озвучил свои выводы двинувшейся к эскалатору Амалии.

– Я тоже так думаю, – тихо согласилась спутница, – Но вдруг?

– Простите, – кто-то потянул меня за правый рукав куртки. Я обернулся и остановился.

– Я слышала, вы разговаривали по-русски, – на меня смотрела сияющая пара глаз, тех самых, что взяли меня в плен в вагоне, – Вы не подскажите, как добраться до бара «Радецкий»?

– Нет, мы сами туристы, – ответила вместо меня Амалия, схватила за другой рукав и потащила за собой. Но крепкие пальчики незнакомки не желали отцепляться.

– Извиняюсь, что подслушала ваш разговор, – пролепетало это чудо в светло коричневом пальто и белой вязаной шапке с помпоном, – Но, похоже, мы все идем в одну сторону. И я бы хотела пойти к «Москова» вместе с вами, – смущенно сжала она горловину своего толстого свитера.

– Прости, но мы торопимся, – Амалия взяла меня на буксир и потащила к эскалатору. Я похлопал ее по руке.

– Думаю, она все равно пойдет за нами, поэтому... идем,

только быстрее, – махнул я треплющей свои золотистые волны девушке. Дождавшись, когда она поравняется со мной, я двинулся к эскалатору.

– Вы оба так уверенно себя чувствуете. Даже не скажешь, что туристы, – девушка повесила за плечи рюкзак и поспешила за нами, – Наверное, уже месяц тут живете.

– Нет, прибыли только сегодня, – ответил я за двоих, – А ты сколько уже тут?

– Неделю. Вы идете на встречу с друзьями? – спросила она, когда мы поднялись на поверхность.

– Можно сказать и так, – согласился я.

– Мои друзья собираются в баре. Они отправили за мной такси, но я не села. По дороге изучила в интернете карту и решила добраться до туда сама.

– Как предусмотрительно, – пробормотала под нос Амалия.

– Как хорошо, что я встретила вас, – хлопнула в ладоши попутчица, – Кстати, меня зовут Саша. А вас как?

– Роман, – я указал на себя, – Амалия, – указал я на свою притихшую спутницу.

– Очень приятно. Вы бывали тут на неделе моды? Нет?

На протяжении всего пути Саша вещала о моде, делилась детскими воспоминаниями, когда приезжала сюда с матерью, крутила головой и отмечала понравившиеся аксессуары и одежду на встречающихся нам женщинах. Я слушал, вставлял неловкие реплики, а Амалия молчала, только под конец, когда в дали уже виднелся баннер со значком метро и силуэт Михаила, предупредила о том, что скоро будем на месте.

После этого возникла небольшая заминка. У Саши зазвонил телефон. Она некоторое время рассматривала номер на дисплее, будто раздумывала, стоит ли отвечать, но все-таки приняла вызов и принялась молча слушать голос телефонного собеседника, пристально вглядываясь в даль.

В какой-то момент я взглянул на нее и удивился перемене, случившейся с ее лучистым взглядом. Синие радужки наполнились ртутью. От них повеяло холодом, беспощадностью, примешанной к безразличию. Однажды, я уже видел такой взгляд, когда Габриэлла рассказала Михаилу о нападении недовольного исходом дело подзащитного.

Заметив, что мы смотрим на нее, Саша тут же смягчилась, улыбнулась и попросила телефонного собеседника перезвонить. Некоторое время мы шли молча. На мой вопрос, все ли нормально, махнула рукой, а потом остановилась, неожиданно вся сжалась, достала из кармана носовой платок и прижала к лицу. Я шел и слушал, как девушка глухо всхлипывала, бормотала о мужском непостоянстве, потом сделала пару глубоких вдохов, протерла щеки, скулы и продолжила идти с опущенной головой.

Мы уже практически подошли, как вдруг Саша остановилась, схватила меня за предплечье и взглянула на меня чуть покрасневшими влажными глазами. Секунды две мы смотрели друг на друга, а потом она развернулась и побежала назад.

– Что это с ней? – недоуменно посмотрела ей в след Амалия.

– Понятия не имею. Кажется, изменили, – пробормотал я, сожалея, что не обменялся контактами с новой знакомой.

– Что-то она мне не нравится, – резюмировала моя спутница, – А ты прям лужей растекся. Ладно, пошли, а то и так задержались, – потянула меня за рукав в направлении шагающего к нам Михаила.

– Приветствую, – Михаил дошел до нас первым, – Что за девушка была с вами? – спросил он, прищурено всматриваясь в спешке удаляющаяся от нас фигурку в светло-коричневом пальто.

– Какая-то Саша, которая запудрила мозги Роману, – доложила Амалия.

– Да ну? – приподнял бровь и криво усмехнулся Михаил, не сводя взгляд с уменьшающейся точки вдаль, – А убежала она почему?

– Истерика, – продолжила доклад Амалия.

– Потрясающе, – холодно произнес Михаил и облил меня ртутью из глаз, – С каких пор ты у нас переквалифицировался в ловеласы?

– Вы знакомы? – спросил я, идущий на поводу у смутных подозрений.

– Откуда мне, по-твоему, ее знать? – Михаил перевел взгляд на Амалию, – Я так понимаю, ты забыла о новом месте встречи?

– Так и есть, – легкомысленно согласилась Амалия, – Куда сейчас?

– К Сфорце. Габриэль и Кенджи тоже опаздывают, обещали подойти через 15 минут.

Остаток пути Амалия переговаривалась с Михаилом, а я грел дыханием заледеневшие пальцы и старался вспомнить лицо Саши, но в памяти отпечатались лишь две синие искорки глаз.

Мы подошли к входу в метро. Я поднял голову и наткнулся на мой любимый тип зданий. Пятиэтажный дом образовывал треугольник, и острый угол, усыпанный по длине святающимися окнами, смотрел прямо на нас.

Вместе с падающим в синих сумерках белым снегом под жужжание эскалатора мы начали погружение в подземку. Холодный бодрящий воздух постепенно сменился теплой атмосферой с еле ощутимой смесью запахов, характерных для метро. Я вдыхал ее и с интересом рассматривал сменившуюся обстановку – от скамеек с гранитным «зерном» на поверхности вверх, ярко красных стен с рекламными плакатами к салатовой ленте под потолком с повторяющейся белой надписью «MOSCOVA». Я почувствовал, как внутри меня распрямилась свернутая бубликом пружина.

– Получил мое сообщение? – неожиданно обратился ко мне Михаил, когда мы сели на поезд.

– То зашифрованное? – вспомнил я список композиций и вместе с ними вопрос, который хотел задать при первой же встрече.

– Да. Я отправил, а потом до меня дошло – ты можешь потеряться...

– А зачем так шифроваться?

– У меня как всегда неприятности, – ответил Михаил под смешок Амалии, – А после веселья, которое устроила она нам в начале года, – указал он на хихикающую девушку, – Излишняя предосторожность уже не кажется такой лишней. Я не хочу, чтобы нам кто-нибудь помешал.

– На этот раз, надеюсь, обойдется без убийств, – сделал я акцент на последнее слово.

– Я тоже надеюсь, – задумчиво произнес Михаил и больше не проронил ни слова.

Я был благодарен ему за молчаливое недовольство касательно Саши. С одной стороны мне было понятно его недоверие к постороннему лицу, с другой – не хотелось покрывать чистый светлый образ знакомой незнакомки темными пятнами сомнений.

Глава 4

Те, кому не чужда романтика романов о рыцарях, при слове «замок» легко представят остроконечные башни; массивные ворота, в которые с трудом впускают и легко выпускают; каменные стены с прямоугольными зубцами, известными искусственным знатокам под словом «мерлоны». Замок Сфорца предстал передо мной именно таким – в лучших традициях рыцарских романов, но не лишенный итальянской грации.

Прожекторы по зубцам стен и башен освещали теплым желтым светом красноватый камень и постепенно убывающий снег. Мы остановились перед памятником и стали ждать.

– Ты ведь бывал в Москве? – неожиданно спросил у меня Михаил.

– Было дело, а что? – ответил я, наблюдая за вращающимся в его руках как валик смартфоном.

– Ты сейчас стоишь перед прототипом символа Москвы, – указал он на башню с часами.

– В смысле?

– Над некоторыми частями архитектурного Кремлевского ансамбля потрудился итальянский архитектор, который в свое время внес свою лепту в Сфорческо. Если при-смотришься, наверняка заметишь схожесть башен Сфорца с некоторыми башнями Кремля. И обрати внимание на мерлоны, – Михаил указал на зубцы, прежде чем снова нажать на «вызов».

За спиной заиграла приятная мелодия. Я обернулся. В метре от меня стоял человек в распахнутой куртке и протягивал Амалии звонящий телефон. Черные волосы побелели от снега и практически слились с цветом его лица.

– Я не смог им ответить, – произнес мужчина больше на японском, чем на английском. Он выглядел спокойным. Его бесстрастный взгляд скользнул на меня, ненадолго задержался на моих руках, спрятанных в карманы, затем остановился на Михаиле, удерживающим гудящий телефон на весу, – Они оставили его телефон и сказали, что в нем вы

найдете ответы на все свои вопросы.

– Что случилось? – Михаил нажал на отбой и прервал мелодию, оставив на морозном воздухе звучать гудки автомобилей и далекие голоса людей.

Замолкший телефон перешел в руки Амалии. Покрутив его, она достала свой смартфон и к звукам улицы примешалась пару отрывистых вибраций, сопровождающихся тихими щелчками кнопок на выдвижной панели клавиатуры.

– Подхватили и затолкали в белый фургон, – рассеяно ответил мужчина, – Я успел сфотографировать номерной знак, – он сфокусировал взгляд на Михаиле и достал свой смартфон.

– Миланский номер, – пробормотал Михаил по-русски, разглядывая фото, – Скорее всего в этом нет никакого смысла, иначе они вели себя более скрытно, но я займусь этим. Когда разблокируешь телефон, сообщи мне, – он остановился указательным пальцем на Амалии, а затем начал кому-то звонить.

Мне оставалось только наблюдать. Японец встал рядом со мной, взглянул на башенные часы и протянул мне руку:

– Кенджи Гото.

– Роман, – совершил я неловкое рукопожатие, – Габриэля похитили? – от растерянности спросил очевидное, за что был вознагражден скупым кивком.

Я вспомнил похищение моей персоны друзьями маленькой хакерши. Мне повезло: в их планах не значилось реальное убийство, они не задавались целью покалечить. А гематомы и ссадины, оставшиеся после похищения, были всего лишь результатом их невежества в области медицины. Я прекрасно понимал, что дела с Габриэлем могли обстоять значительно хуже и сочувствовал стоящему рядом со мной человеку.

– Вы будете помогать с исследованием картины Боттичелли? – предпринял я попытку отвлечь малословного собеседника от мрачных мыслей, и заработал заинтересованный взгляд.

– Это вы обнаружили дату на портрете Иоанна Крестителя? – он развернулся корпусом в мою сторону.

– Да, мы с Амалией.

– Очень интересно! – улыбнулся он глазами и лишь немного уголками губ, – Я слышал, вы использовали для этого Фотошоп. Вы сможете потом повторить для меня весь процесс?

– С удовольствием. Если вспомню все, что делал.

– Благодарю, – спокойно с опущенными глазами и полуулыбкой на лице кивнул мне Кенджи, – Сейчас вы изучаете Боттичелли. Уже пришли к чему-нибудь?

– Мы придерживаемся версии со спрятанным музыкальным посланием, – невольно потер я себе шею.

– Три – один – три – один, – задумчиво произнес мой новый знакомый, – К сожалению, я мало, что понимаю в музыке, но постараюсь быть полезным.

– Я думаю человеческие фигуры на картине – это невимы, – я поделился с ним своей последней догадкой.

– Я тоже так думаю. Даже набросал пару соотношений невим и персонажей. Потом покажу, – присоединился к нашему разговору Михаил, – Сейчас нам нужно укрыться в тепле и подумать, что делать дальше. Я взял на себя смелость и

забронировал номера в отеле неподалеку.

– Что за отель? – спросила Амалия, ни на минуту не отрываясь от клавиш смартфона.

– Торре Мейсон, – ответил он и первым тронулся с места.

– Сойдет, – пробормотала себе под нос Амалия, и а мы последовали за ним.

Через пять минут мы стояли возле белого двух этажного здания. Темно-синий навес над крыльцом напоминал козырек коляски. Он собрал на себе серебристо-голубоватую искрящуюся гору, оставив под собой клочок нетронутой земли.

Я вдруг почувствовал тоску по дому. Сию минуту мне захотелось очутиться у себя на кухне, наесться жареной картошкой, заварить горячего чаю и наслаждаться вечером в компании кота, лежащего на соседнем стуле. Мне нестерпимо захотелось остаться одному, проникнуться атмосферой, которой одарила нас приближающая зима.

– Вот. Держи, – Амалия постучала по плечу Михаила смартфоном Габриэля, – Мы сделали то, о чем ты просил, – затем обошла Михаила и открыла заветную дверь. Нас об-

дало теплом и еле уловимым ароматом корицы. Больше никто не посмел задерживаться у порога. Только Кенджи вдруг обернулся ко мне и спросил:

– Габриэлла, та девушка-адвокат. Ее сегодня не будет с нами?

– Мне, кажется, нет, – тихо ответил я и вошел вслед за ним.

Первое на что я обратил внимание, оказавшись внутри, это были два круглых плоских светильника в виде портретов четы аристократов в красном, висевших на кирпичной сероватой стене справа от регистрационной стойки. Под ними стояла стильная темная деревянная тумба с брошюрами, а рядом с ней уютный маленький синий диванчик с полосатыми подушечками цвета «кофе с молоком». Я снял с себя куртку, сбросил рюкзак и плюхнулся на него одновременно с Амалией.

– Как всегда уютное местечко, – прокомментировала она, перестав ерзать и крутить головой.

Я согласился с ее словами в уме и начал погружаться в сон. После холодной улицы теплая комната и мягкий диван казались сущим раем. И в целом мне не было важно, на-

сколько прекрасной была окружающая обстановка, важным для меня осталось только одно – лишь бы никто не мешал.

– Рома, Рома, проснись, – кто-то тряс меня и надоедливо позванивал колокольчиком, – Проснись! Ты меня слышишь? Вот твой ключ от номера, там поспишь. Давай просыпайся, – потянули меня за шиворот... и я под звонкий смех свалился на пол.

Кое-как разлепив веки, я увидел смеющуюся Амалию и протянутую Михаилом руку. Все уже покончили с регистрацией, собрали свои вещи и терпеливо ждали моего пробуждения. Воспользовавшись помощью Михаила, я принял вертикальное положение и тут же получил от Амалии по лбу чем-то мягким.

– Держи, – сунула она мне в руку ключ с брелком – кисточкой из тонких бордовых жгутов, собранных под золотистым стальным колпачком. На нем черной краской был нанесен номер комнаты и название гостиницы.

Я подхватил с пола свои вещи и последовал за всеми во внутренний двор. Добравшись до номера, я снова отправил на пол свой нехитрый багаж. Вчерашний день буквально трещал от переизбытка событий. Эмоциональная и физическая усталость победила голод – я на ходу разулся, разбежался и

прыгнул в кровать.

Глава 5.

Я проснулся в темноте от неясного чувства, не поддававшегося определению, пока я не покинул пределы царства Морфея. В темно-синем сумраке комнаты витало беспокойство.

– ...Вы ничего не делаете! – возмущенный голос, доносящийся со двора, явно принадлежал Кенджи.

Я кое-как встал и подошел к окну. Кенджи размеренными шагами измерял площадь двора, Амалия не выпускала из рук свой чудо-аппарат, а Михаил говорил по телефону, изредка занося в блокнот короткие заметки. Он повернулся к Кенджи, приложил указательный палец к губам и продолжил прислушиваться к словам невидимого собеседника.

– Мы просто теряем время, – горько проговорил Кенджи и остановился посередине двора.

– Мы не теряем время, мы собираем информацию, – оторвалась от своего смартфона Амалия, – Если совершить обмен сейчас, то добром это не закончится.

– Вы собираетесь привлечь посторонних людей и рассчитываете на крайний срок – вот что не закончится добром!

– Вы осыпаете претензиями, а я не могу сосредоточиться на деле, – Амалия с громким щелчком задвинула клавиатуру, – Если бы все так было просто мы бы уже давно вытащили Нашего Общего Друга, – выделила она последних три слова, – Я ухожу к себе в номер, – девушка взмахнула рукой, крепко сжимающей смартфон, и пошла к ступеням, оставив ссутулившегося Кенджи стоять с опущенной головой.

Похоже, пока я спал, похитители выдвинули условия, и вот-вот должен был состояться обмен. Внутри зашевелилось дурное предчувствие. Нужно было собираться.

Стук в дверь прозвучал как гром посреди ясного неба. Я двигался в полумраке, поэтому на пути к двери пару раз споткнулся о собственные ботинки.

– Я знала, что ты не спишь, – Амалия без прелюдий ворвалась ко мне в комнату и взобралась на мою кровать, – Почему ты не включил свет?

– Доброе утро, пожалуйста, проходи, – пробормотал я, закрывая дверь, и прищурился от света, вспыхнувшего с приходом Амалии светильника.

– А ты любишь порядок, – бросила она взгляд на гору возле кровати, – Они хотят обменять Габриэля на Михаила сегодня в 6 утра, – огорошила меня девушка и села на кровать. Я сел рядом с ней, закрыл лицо руками и надавил на глаза. – Пункт обмена – заброшенная фабрика, – продолжила вещать незваная гостья, – Сейчас 4 утра. Через 10 минут подъедет моя команда. Через полчаса, может меньше, подъедут друзья Михаила. Когда все соберутся, мы направляемся на место.

– Какова моя роль в этом деле? – Я взглянул в посерьезневшее лицо.

– Не знаю, но в любом случае Михаил хочет, чтобы ты был рядом. Скажи мне лучше вот что. Когда, наконец, наступит день? Так не люблю зиму, – Она вздохнула и упала на кровать, раскинув руки. Я остался сидеть разглядывать свои переплетающиеся пальцы.

Под отдаленное биение пульса сонного города, под стук вырывающегося на свободу сердца в воцарившейся тишине прорастала черная орхидея – тревога. Мечущаяся душа заплутала в ее бархатистых лепестках и уже не надеялась выбраться на свет, но вот внизу хлопнула дверь и раздались мужские голоса. Они спорили, перебивали друг друга. Кто-то споткнулся на ступенях, с громким звоном уронил связку

ключей. Послышался смех и вдруг резко все стихло.

– На Михаила наткнулись, – сонно пробормотала Амалия, медленно поднялась с кровати и так же медленно, словно с неохотой, до последнего не отпуская дверь, покинула мой номер.

Ее постепенно отдаляющийся голос повел за собой незнакомцев прочь от дверей, оставляя меня в одиночестве и беспорядке. Мне нужно было отвлечься. Я выглянул в окно.

Кенджи стоял посреди двора, опустив голову, спрятав руки в карманы. Распахнутая куртка съехала с одного плеча, полосатый шарф свисал у самой земли и подметал бахромой истоптанный снег. Я надел ботинки, поднял вещи с пола и столкнулся у порога с Михаилом.

– Ожидание растягивает время..., – пробормотал он, – Может, позовешь нового друга, поколдуете над Боттичелли, пока Амалия с друзьями строит планы по завоеванию мира?

– Только собирался, – я махнул рукой с курткой и рюкзаком.

– Полы подметаешь, – он указал вниз, – Я пойду, позо-

ву Кенджи Гото-сана. А ты пока спускайся на кухню, – Михаил развернулся и уже собирался уйти, но почему-то обернулся и предложил, – Если хочешь, можем собраться у тебя в номере. Допустим, мы с Кенджи обоснуемся возле стола, а ты можешь обустроиться на кровати. Кофе-машина есть, выпечку принесем с собой сами. Что думаешь?

Не знаю, что удивило меня больше – внезапное предложение Михаила или наличие в номере стола и кофе-машины. Я медленно повернулся и словно прозрел.

Современность диктовала минимализм – сочетание двух-трех сдержанных цветов, не шибко затейливая мебель, много источников света и свободного пространства. Но здесь присутствовала еще одна интересная особенность – уникальность. Тумбочки, стулья, стол, шкаф относились к разным мебельным комплектам, но идеально дополняли друг друга и придерживались единой серой, белой, серо-синей гаммы с примесью светлого желтовато-оранжевого оттенка дерева.

Напротив кровати стоял упомянутый Михаилом стол с узкой продолговатой деревянной столешницей на двух железных черных прямоугольных ножках. На нем стоял электрочайник, кофе-машина, бокалы и белые коробочки.

Над столом расположился плоский телевизор. На одной

высоте с ним висел крупный овальный темный плафон, расписанный красно-желто-зеленым цветочным узором.

Оказалось, я проморгал еще пару деталей. В белой комнате одна стена за спинкой кровати по цвету напоминала затянутое в бурю небо. А этой самой спинкой служили темно-серые подушки, оббитые сукном и вывешенные в ряд от начала до конца стены. Они больше походили на спинку дивана и делились на прямоугольники разной ширины.

Справа от выхода на белой стене я увидел портрет мужчины в смокинге с усами, слева от меня расположилось овальное зеркало, после которого шла дверь в ванную.

– Так что ты решил? – прервал осмотр Михаил.

– Думаю..., – задумчиво пробормотал я, – Думаю..., – добавил уже чуть громче, – Я останусь здесь и дождусь вашего прихода, – озвучил я окончательный вердикт.

– Вы здесь? – Кенджи возник из ниоткуда и встал напротив Михаила.

– Телепортировались, Гото-сан? – усмехнулся Михаил.

– Пришел на своих двоих. Иначе вы бы меня не видели, только чувствовали, – невозмутимо ответил мужчина, – Лучше зовите меня Кенджи, а то ваше «Гото-сан» звучит как издевательство, – улыбнулся он едва заметной улыбкой, – Я хотел позвать вас вниз и сказать, что Романа спрашивает по телефону какая-то девушка.

– А мы хотели пригласить вас присоединиться к нам для обсуждения Боттичелли, – произнес Михаил и одарил меня пронизывающим взглядом.

– С удовольствием присоединюсь, – кивнул Кенджи, – Мы ведь ждем ваших друзей?

– Так точно, – кивнул Михаил, не разрывая зрительный контакт со мной.

– А кто спрашивает? – промямлил я.

– Она не назвалась, но сказала, что вы ее знаете, – ответил мне Кенджи и обратился к Михаилу, тем самым привлекая его внимание к себе – Вы собирались спуститься?

– Мы думали собраться в комнате у Романа, но, похоже, нам следует объединиться, – указал он на дверь, из-за которой раздавались перебивающие друг друга голоса друзей

Амалии, кивнул нам и пошел стучаться. Мы с Кенджи остались стоять друг напротив друга.

– Вас вызывают к телефону, – Кенджи сделал приглашительный жест рукой и отступил в сторону.

– Благодарю, – улыбнулся я, надел куртку, повесил за плечи рюкзак, закрыл номер и пошел вниз к регистрационной стойке.

Подняв трубку, я долго колебался, слушал тихий разговор между мужчиной и женщиной:

– «...не причем»... «все равно»... «...лишнее внимание»... «...этого ждут»... «...все знает»... «...готова рискнуть»...

– Алло? – чуть хриплым нерешительным голосом подал я сигнал, – Алло! Вы меня слышите?

– «...поздно отступать»... – произнесла женщина твердым голосом, определенно ставя точку в этом диалоге о непростых вещах.

– Алло! Я ложу трубку, – произнес я.

– Рома, подожди! Алло! Это Саша, – Она звучала звонко, жизнерадостно.

– Саша? Как ты меня нашла? – Я бы соврал, если бы сказал, что не был рад ее слышать.

– Обзвонила все лучшие отели, и не ошиблась, – Я представил, как она в этот момент улыбнулась.

– Ты искала какой-то бар, – припомнил я нашу встречу, – Удалось найти?

– Да, нашла, причем довольно быстро. Я встретила по дороге друга. Он меня подвез. Кстати, прости меня, что так сбежала. Представляешь, – девушка понизила тон голоса, – Подруга рассказала, что видела моего парня с другой девушкой, – послышался всхлип, и я тут же поспешил успокоить.

– Сочувствую, – произнес я как можно спокойней, – Я переживал за тебя, – решил немножечко соврать ради блага.

Сложно было совсем не беспокоиться о красивой девушке, боявшейся заблудиться в чужом большом городе, убежав-

шей от тебя в расстроенных чувствах. Однако мои мысли заняло странное поведение Михаила, и мне оставалось только обернуть в кокон памяти хрупкий девичий образ и хранить его там, изредка доставая, чтобы отреставрировать потускневшие фрагменты.

– Ничего, все в порядке. Друзья помогли справиться с проблемой. Хорошо иметь верных друзей, не так ли? – улыбнулась она и шмыгнула носом, – Я думала о тебе, – тихо призналась она, и мое сердце дрогнуло, – Это ведь ничего, что я звоню так рано?

– Н-нет, – Вопрос застал меня врасплох, и я не смог ответить уверенно, не выдавая ликования.

– Я не спала всю ночь, поэтому под утро решила обзвонить все симпатичные отели. И не ошиблась. Все-таки у тебя хороший вкус, – ласково похвалила она меня, вызвав у меня улыбку.

– И какой по счету был этот? – не смог удержать я свое любопытство.

– Сбилась со счету, – рассмеялась девушка, – Но я помню этот отель. Мы с мамой останавливались не в номере, а в апартаментах где-то год назад. Такая яркая красная обста-

новка. Я, наверное, буду помнить ее всю жизнь.

– А ты видела светильники в виде портретов у регистрационной стойки? – спросил ее, чтобы узнать мнение о приглянувшейся мне детали.

– М-м-м, да, я вижу их. Они прекрасны. Классицизм в сочетании с лофтом просто шик, – скорее проговорила вслух свои мысли, чем ответила на мой вопрос, – Я просто сейчас их сайт просматриваю, – добавила быстро моя собеседница, – Не самый лучший образец электронной визитной карточки, я тебе скажу. Твоя подруга смог..., – кашель оборвал ее на полуслове, но не нужно было ходить к гадалке, чтобы понять о ком шла речь, – Прости...подавилась кофе, – Твоя подруга смогла бы отпустить тебя на прогулку со мной?

– Да, почему нет? Мы ведь просто друзья, – постарался ответить, не вызывая больше подозрений о бурлящем внутри меня котле из чувств и эмоций.

– Здорово! Мы...я тут недалеко от тебя. Мы могли бы встретиться, пообщаться...

– Прямо сейчас? – я будто наткнулся на комок соли в мякоти теплого вкусного хрустящего хлеба.

– Да. А ты против? – Проскользнувшее в ее словах разочарование кольнуло острием пера прямо в сердце. – Просто в 10 утра я покидаю этот город. Думала, встретиться с тобой...напоследок. Я не задержу тебя надолго. У меня еще не все вещи собраны. Ты, наверное, и не завтракал еще? Угощу печеньками, – я услышал ее улыбку и понял, что значит выражение «растечься лужицей».

– Хорошо, но только действительно ненадолго.

Умом я понимал – сейчас не стоит оставлять друзей. Но что могло случиться, покинь я их на 10-15 минут? А уж тем более, когда от тебя нет проку.

– Хорошо, – мягким эхом повторила она мое согласие, – Я уже вот-вот дойду до твоего отеля.

Я положил трубку, быстро застегнулся, посмотрел на свое отражение в стекле витрины, повесил рюкзак на одно плечо и тихонько вышел за дверь. В столь раннее утро вокруг не было ни души. Я брел по чистому белому снегу и слушал ритмичное поскрипывание под тяжелыми подошвами моих любимых ботинок. Мне не давала покоя мысль, что оставляю друзей в столь трудный час. Я не представлял, чем им может

быть полезна моя персона, но все равно корил себя за это маленькое предательство.

С другой стороны от макушки до кончиков пальцев меня пронизывало предвкушения от встречи с девушкой, которая никак не выходила у меня из головы. Кажется, где-то глубоко на уровне подсознания ее звонок зародил крошечное подозрение, но оно было настолько мало, что не могло пробить барьер меж двух миров и с грохотом ворваться в сознание, которое на данную минуту купалось в конфетти из радости от взаимной симпатии понравившейся мне девушки.

– Привет, – Я не был готов услышать ее так скоро, поэтому вздрогнул, повернулся и попал в теплые объятия с ароматом ванили. – Как хорошо, что ты не успел уйти далеко. А то мы забыли обменяться номерами. Идем, нас ждут, – маленькие пальчики обхватили мою ледяную руку и потянули куда-то наискосок.

– Куда мы? – Остановился я, чтобы осмотреться вокруг, и понял, как возвращаться в отель.

– Вот сюда, – она махнула в сторону единственного заведения, залитого чуть холодноватым желтым светом, – Шеф-повар этого ресторана – хороший знакомый моей матери, поэтому мне удалось уговорить его открыться ради нас. Только

в роли официантов мы будем мы сами, – улыбнулась девушка и с еще большим упорством потащила меня внутрь.

– Ты обещала угостить печеньками, – я с улыбкой наклонился и прошептал ей в ушко. Она повернулась и уткнулась мне в грудь.

– Ай, – хихикнула Саша, прикрыв ладонью нос, но тут же отвернулась, уложила прядку за порозовевшее ушко и уверенно вошла внутрь.

– Buongiorno signorina! Non visito il nostro ristorante da olto tempo. Grazie per non esserti dimenticato di noi. Coe sta tua madre? (Доброе утро, синьорина. Давно не посещали наш ресторан. Спасибо, что не забываете. Как дела у вашей матери?), – широко раскрыв объятия, поприветствовал Сашу вышедший на стук дверей мужчина средних лет.

– Grazie, come sempre, e al suo meglio, mi ha chiesto di salutarti, (Спасибо, она как всегда на высоте, просила передать вам привет), – ответила она ему после крепких объятий и принялась что-то рассказывать на итальянском. Я остался стоять в стороне и греть замерзшие руки в карманах. Толстая куртка и теплое помещение оказались несовместимой парой. Пришлось выдвинуть первый попавшийся стул. Рюкзак и куртка отправились на его спинку, а я сел и принялся

изучать меню. Печений в нем не было.

– О, прости! Просто мы давно не виделись. Сейчас я принесу наши блюда, – Саша повернулась на шум возни, помаяхала мне и повела мужчину на кухню. Через пару минут она вернулась с большой дымящейся пиццей и бумажным пакетом. Поставив поднос пиццей на стол, Саша смущенно протянула мне бумажный пакет.

– Миндальные печеньки, как и обещала, – улыбнулась девушка. Я просто не мог не улыбнуться в ответ. Устроившись напротив, она выхватила кусок с наибольшим количеством сыра и принялась меня расспрашивать о полученных впечатлениях, рассказала о своей собаке и показала парочку забавных видео. Не знаю, сколько времени прошло за разговорами, я очнулся лишь тогда, когда у меня завибрировал телефон.

– Ало, ты где пропадаешь?! – судя по распахнувшимся глазам Саши грозный голос из трубки напугал не только меня.

– Я не далеко от отеля, скоро вернусь, – постарался ответить как можно спокойней, не желая падать лицом в грязь перед дамой.

– Собрался прямо сейчас и притащил свой зад сюда! – прокричал Михаил и бросил трубку. Я заторможено опустил руку с телефоном на стол и взглянул в лицо девушки. На первый взгляд оно казалось испуганным, но мне было не до этого.

– Извини, я задержался, поэтому должен уже идти, – принялся я надевать куртку.

– Твой отец что ли звонил? – кивнула она на телефон, лежащий на столе.

– Нет. Друг. Я обещал помочь друзьям, но ушел без предупреждения.

– Это не повод так орать. Ты уверен, что тебе нужно идти? – холодно спросила девушка.

– К сожалению, да, – вздохнул я, подхватывая рюкзак, – Давай обменяемся контактами, – взял свой смартфон, готовый записывать все, что она продиктует. Саша холодно посмотрела на телефон, перевела взгляд на оставшуюся пиццу, кивнула своим мыслям и принялась диктовать номер.

– Позвони мне сегодня вечером, – натянуто улыбнулась она, – Просто сейчас я буду собирать вещи, потом перелет,

отдых. Ну, ты понимаешь, – развела она руками и встала.

– Хорошо, обязательно наберу тебе, – подхватил пакет и побежал к выходу. Возле дверей я обернулся и порезался о два синеватых осколка льда.

Глава 6.

Горькое чувство вины и волнение заставили меня трижды пройти мимо курящего под навесом мужчины, прежде чем я догадался спросить у него, где находится отель. Он молча указал на вход позади себя. Я открыл дверь и словно очутился в другом месте.

Удивительно как быстро меняют обстановку люди. Тихие уютные комнаты, дарящие надежду на лучшее, превратились в жужжащий улей. Незнакомые лица, косые взгляды, поджатые губы Амалии – зима поглотила последний оплот, дарующий тепло и защиту.

Дойдя до номера, я бросил вещи на кровать и мысленно поблагодарил Бога за то, что не встретил Михаила. Сахарная пудра и крошки из бумажного полупустого пакета с ароматом миндаля снегом рассыпалась по моей черной куртке. Я сам не заметил, как опустошил наполовину шуршащий пакетик, и теперь стоял над белой россыпью и раздумывал, ка-

кие действия предпринимать дальше.

Устав стоять, я рухнул рядом с вещами. Серо-белое убранство комнаты растеряло прежнюю привлекательность. Стена цвета грозовой тучи превратилась в массивную плиту, готовую в любой момент похоронить под собой маленького человека, коим я себя ощущал. Она разом выкачала тепло и заменила его острыми жалами холода. Сколько не старался, теплое дыхание оказалось не способно остановить ледяные иглы, тянущиеся к сердцу. Заслышав за дверью шаги, я повернул голову и наткнулся на осуждающий взгляд мужчины с портрета.

– Рома, ты тут? – вместе с троекратным стуком глухо прозвучал раскатистый голос Михаила, – Рома?

Я глубоко вздохнул и попытался подняться, но, похоже, было слишком поздно: мое тело оказалось в плену невидимых пут – прочных нитей, пронзивших мою кожу, запутавшихся в костях и скрепивших меня с постелью. Оставалось только одно – звать на помощь, однако приоткрытые сухие губы вместо звука исторгли горечь. Стул прекратился. Его сменило шарканье и скрип ботинок, а затем – удаляющиеся шаги. Надежда погрузилась во тьму с редкими кадрами чужой для комнаты. Похоже, в очередной раз мне не повезло.

– Я вхожу, – громкий стук двери о стену оповестил о неожиданном госте, но я не смог ни повернуться, ни испугаться, – Какой же ты бедовый! Полное отсутствие инстинкта самосохранения.

– Что с ним? – Прозвучал незнакомый голос с запахом табака.

– Похоже, цианид, – Послышалось шуршание бумажного пакета.

– Что будешь делать? – Голос прозвучал практически под ухом – запах табака стал отчетливей.

– Везти в больницу. Другого выхода не вижу.

– Если повезешь в больницу, что станет с Габриэлем? Весь этот кавардак затевался только ради тебя. Ты уверен, что она адекватно отреагирует на твое отсутствие?

– Не уверен... я вообще ни в чем не уверен. Я не уверен, что он доживет до прибытия в больницу, но что-то надо делать. Я не могу отправить его вместе с Амалией после того как она сама однажды чуть его не угробила. Я не могу отправить его вместе с тобой: ты нужен здесь. Остается только действовать самому.

– Что если я постараюсь раздобыть антидот? – Запах табака отдалился.

– Предлагаешь взять его вместе с нами? – Кто-то принялся ходить из стороны в сторону.

– Да. Поедет вместе с нами. В качестве няньки прихватим товарища Габриэля. Он все равно просился ехать со всеми.

– Как быстро ты сможешь достать антидот? И что будем делать дальше? В любом случае без врача не обойтись, – Звук шагов замолк.

– У меня уже сейчас есть с собой немного тиосульфата – берег для себя, – после некоторого молчания прозвучал табачный голос, – Вколю эту дозу. Не знаю, даст ли какой эффект. Потом постараюсь придумать что-нибудь еще, – произнес он, покидая комнату.

– Хорошо. Только поторопись. Я уже отправил всех собираться, да по машинам, – Скрипнули ботинки, и холодные пальцы прижались к моему пульсу, – На кой черт ты поперся к ней, прекрасно зная, что и так ситуация не простая? Что творится в твоей голове? – склонился ко мне оставшийся человек.

– Миша, ты где? – Я услышал голос Амалии, прежде чем начал биться в борьбе за воздух, – Что с ним?

– Выйди, и никому пока ничего не говори! – последнее, что я разобрал, прежде чем полностью отключился.

Мне кажется, я все же изредка возвращался в сознание, иначе я не мог объяснить бьющий в глаза свет, чьи-то суматошные выкрики, боль в груди и плачущие звуки. Потом все стихло, и я очнулся в мирно покачивающейся машине в обнимку с продолговатым ящиком. Именно так представлялся на ощупь жесткий прохладный предмет, на который опирался я. Он разделял меня и человека сбоку, что вынес знакомым голосом краткий вердикт:

– Очнулся.

– Пить, – Я попробовал подчинить себе непослушные губы и поведать ему о мучительной жажде воды, преодолевая головокружение и жжение от нахлынувшего в легкие воздуха, но, кажется, меня не слышали.

– Тогда обойдемся без дополнительных инъекций, – ответили спереди, – Хорошо хоть в печень добавила. Это сыграло нам на руку.

– Пить, – повторил я, прилагая еще больше усилий.

– Кажется ему что-то нужно, – нагнулся ко мне сосед по сиденью.

– Воды, скорее всего, – угадал мое желание незнакомец спереди. Я попытался кивнуть. – Но лучше пока ему не давать, – добавил он, ударив разом по больным местам.

– Пусть хотя бы промочит горло. На, дай ему сделать глоток, но не больше, – протянул к нам бутылочку с живительной влагой Михаил. Я поднял руку, но тут же уронил.

– Салон будешь мыть сам, – проворчали спереди.

Мои руки упорно отказывались подчиняться, поэтому бутылку удерживали тонкие чуть смуглые пальцы человека справа. Не успел сделать полноценный глоток, как бутылку забрали. Я потянулся вслед за ней и ударился скулой о футляр.

– Пока достаточно, – прозвучало со стороны Михаила.

Я считал жестокость по отношению ко мне оправданной, но всеми силами желал молить о пощаде вслух, стать услы-

шанным и прощенным. Мне хотелось пить! Я чувствовал себя немощным, находясь в полулежачем положении, поэтому опираясь непослушными, то и дело соскальзывающими руками о сиденье постарался сесть ровно, прежде чем снова попытаться выклянчить живительную влагу, и...слава богу, мне не дали напиться.

– Я же говорил! – прокомментировали спереди.

– Салон остался чист. Нужно только его привести в порядок, – произнес человек справа от меня и взял протянутую пачку влажных салфеток.

– Мне от этого не легче, – донеслось до меня ворчание человека, сидящего спереди.

– Мы приехали, – неожиданно объявил Михаил, после чего машина затормозила, – Что будем делать? – обернулся он к нам и взглянул на своего соседа.

– Я иду с вами, – прозвучало сбоку от меня.

– Нет, – твердо ответил человек спереди, и повернулся к нам. Это был мужчина, которого я встретил у входа с сигаретой, – Ты и ты, – указал он на нас пальцем, – Сидите на месте и не двигаетесь.

– Но я должен быть там! – поддался вперед мой сосед, которым оказался Кенджи.

– Кто будет присматривать за Романом? – повернулся к нему Михаил.

– Хорошо я..., – откинулся назад Кенджи и крепко сжал побелевшие губы, оставив в воздухе висеть недоговоренность.

– Сразу спрошу: есть то, о чем мы не знаем? – с кривой усмешкой поинтересовался мужчина спереди, взглянув сначала на него потом на меня.

– Нет, – наконец проговорил Кенджи, – Но я хотел бы увидеть его в числе первых. Все-таки я виноват, – прошептал он в конце.

– Виноват, не виноват. Я – обменная валюта, – указал на себя Михаил, – Виктор меня прикрывает, – указал он на неизвестного мне человека, – Амалия с товарищами где-то затерялась в руинах. Она – поддержка Виктора. Никто из нас остаться не может, но Романа оставлять одного нельзя. Никогда не знаешь, что от нее ожидать, – пробормотал он, отстегивая ремень безопасности, – Остаешься только ты. Если

мы все умрем, ты будешь тем, кто донесет миру истину, – поднял он вверх руку с расслабленными пальцами, так и не сложившимися указательный жест, и тут же уронил.

Первым покинул машину Михаил, следом вышел Виктор. Последний открыл дверцу с моей стороны. Я почти выпал наружу и завис над мощными ботинками, мявшими серый снег.

– Так-так-так, не падай, – поддержал он меня за плечо одной рукой, другой отодвигая полы белого плаща, накинутого поверх одежды – Кенджи, передайте мне, пожалуйста, – указал он на футляр.

– Может вам стоит обойти с моей стороны? – спросил Кенджи, после двух неудачных попыток развернуть его в горизонтальное положение.

– Есть риск быть обнаруженным. Передайте по низу, я буду помогать, – Дмитрий подтолкнул меня к Кенджи и нагнулся, чтобы подхватить черный ящик снизу.

Наконец дверь захлопнулась, и я вновь обрел устойчивую опору. Впереди через постепенно запотевающее стекло была видна постепенно удаляющаяся понурая спина Михаила. В то время как Дмитрий растворился, будто его и не было.

– Где мы? – прохрипел я.

– На заброшенной фабрике, – задумчиво произнес Кенджи и протер рукой стекло.

– Мы покинули Милан? – спросил я, наблюдая в окно за подозрительным типом, издали разглядывающим нашу машину.

– Нет, мы все еще в Милане. Просто это темная сторона Луны, – прозвучал тихий спокойный ответ.

– Мне жаль, – произнес я после долгого молчания.

– Мы все совершаем ошибки. Думаю, тут сложно винить кого-то одного, – повернулся он ко мне, улыбнувшись одними уголками губ.

Устав наблюдать издали, подозрительный тип двинулся к нашей машине. Я попытался сесть ровно, но получилась возня беззащитного котенка. Спокойствие Кенджи удивляло, но не вдохновляло.

Человек снаружи обошел машину и заглянул внутрь. Боковые стекла прятала тонировка, поэтому вряд ли он видел

нас. Человек дернул за ручку – дверь не поддавалась. Не понимаю, зачем ему надо было повторять первую безуспешную попытку, но прозвучал щелчок, и дверца в переднюю часть салона автомобиля оказалась открытой. Я вцепился в чехол переднего сидения и прижался к двери.

Восторженно вскрикнув, человек взобрался внутрь и принялся шуршать по бардачкам. В какой-то момент он поправил стекло заднего вида и резко обернулся. Бледное исхудалое лицо больше подходило покойнику, нежели живому человеку. Я сильнее вцепился в сиденье, но на лице Кенджи не дрогнул ни один мускул, даже когда в абсолютной тишине прозвучал звон лезвия.

Непрошенный гость сжал рукоятку ножа до белизны в костяшках, взглянул на меня, на Кенджи, поддался вперед и... уткнулся лбом в ствол глушителя. Не знаю, что напугало меня больше, но я вздрогнул и ударился о стекло. Человек с переднего сидения бросился на нас. Я услышал звук рвущейся ткани. Нож прошел через рукав пальто Кенджи и, судя по паническим рывкам воинственно настроенного чужака, застрял в сидении по центру.

Что-то щелкнуло, и все стихло. Я повернулся, чтобы понять, в чем дело – человек, нападавший на нас, рассматривал свою ладонь, красную влажную, блестящую. Он, так же как

и я, не осознавал суть произошедшего, переводил взгляд с ладони на Кенджи и обратно. Когда Кенджи толкнул его обратно на переднее сидение, он схватился за боковое сидение, оставив багровый след на светло-коричневой ткани, всхлипнул, поспешно открыл дверь и вывалился на снег. Кенджи, как ни в чем не бывало, спустил затвор и спрятал пистолет куда-то за пазуху.

– Что ты...? Откуда...? – прохрипел я через некоторое время и раскашлялся взхлеб.

– Я не убил, просто прострелил плечо, – Кенджи достал закатившуюся в процессе борьбы под сидение бутылку, открутил крышку и протянул мне. – А пистолет я всегда ношу с собой. Никогда не знаешь, что тебя ждет, – распахнул он пальто, показав кобуру, пришитую к обратной стороне кармана.

– Откуда? – кивнул я, сделав осторожный глоток. Кенджи забрал воду прежде, чем она расплескалась по салону из-за дрожащих рук.

– На работе выдали, – коротко ответил он, закрутил крышку и положил бутылку между нами. Я выглянул в окно – редкие красные капли вели прочь от машины к развалинам.

Человек, залезший в нашу машину, бежал прочь ухватившись за раненое плечо.

– А что если он кого-то позовет? – повернулся я к Кенджи, так же смотрящему вслед врагу, скрывшемуся за прохудившейся стеной.

– Вряд ли кто-то придет мстить. Новости среди жителей этой местности разлетаются быстро, но кому хочется множить собственные проблемы и влезать в чужие разборки? – взглянул он меня, поправил пальто, откинулся назад и, прижав к губам согнутый указательный палец, мой сосед мысленно покинул салон авто, в котором пару минут назад разыгралась трагедия.

– Почему вы так спокойно на это реагируете? – не удержался я от мучавшего меня вопроса. Кенджи с неохотой оставил свой мысленный приют. Некоторое время он сидел, молча глядя в потолок и потирая кожу меж указательным и большим пальцем. Потом повернулся ко мне, и некоторое время изучал мое лицо.

– Потому что я никого не убил и ни на кого не нападаю, – наконец соизволил он ответить, – А может быть потому что мне не в первой сталкиваться с подобным, – Кенджи взглянул на сиденье спереди него. – Лучше давай поговорим о

чем-нибудь хорошим. К примеру, никто из вас так и не рассказал о результатах последнего вашего исследования. К чему вы пришли и на чем остановились? – сосед повернулся ко мне с явным желанием прекратить дальнейшие расспросы, и я подчинился.

Струна 3

С трудом собирая слова в предложения, я поведал ему о своих мучениях с сопоставлением неум и фигур людей, о некомпетентности в области музыки и нежелании оставлять музыкальное произведение нерасшифрованным.

– А почему именно неумы? – поинтересовался Кенджи, когда я истощенный откинулся назад.

– Поискал в интернете, что раньше использовали вместо современных нот.

– В каком году была написана «Весна»? – мой сосед достал смартфон.

– В тысяча пятьсот каком-то, – поднапряг я память, но безуспешно.

– В 1482 году. Здесь пишут, что в те времена использова-

лась мензуральная нотация. Вот, – повернул он ко мне смартфон с открытой страницей, – Классическая нотация, которую используют по сей день, появилась в 17- 18 веке. Может стоит оставить невмы и перейти к мензуральной нотации?

– Я почему-то не учел этот момент. А когда появились сами ноты «до», «ре», «ми»? – заинтересовано потянулся я к его смартфону.

– Так. «Современная музыкальная нотация восходит к трудам Гвидо д'Ареццо первой половины 11 века...», – прочел Кенджи вслух, – Видимо звук сохранился. Только письменный вид другой. Хотя... как выглядит мензуральная нотация? – пробормотал мой сосед и ушел с головой в поиски ответов. Я постарался пододвинуться поближе, чтобы не упустить ничего интересного.

Мензуральная нотация выглядела как ромбики с палочками. Некоторые ромбики были закрашены, некоторые – оставались белыми. Как оказалось, изначально мензуральная нотация состояла из черных значков, а к концу 15 века черный цвет заменили белым.

Совершенные мензуры, несовершенные – термины проносились перед глазами, и я испытывал досаду, что не изучал музыку, никогда не интересовался тем, как ее пишут, только

слушал, и на слух не отличал одну ноту от другой.

– Окей, давай попробуем сопоставить людей на картине с мензурами, – опустил телефон Кенджи и взглянул на меня после того как собрал целую папку изображений с образцами нот мензуральной нотации, – Любое музыкальное произведение начинается с ключа. Нам нужен ключ. Ты говоришь, картину стоит отразить по горизонтали? Давай сделаем это.

Я сидел и смотрел, как герои картины меняют свое положение, как картина Боттичелли меняется на изображение со столбиками обозначенными как *tempus*, *prolatio*, *sign*. Я уже знал, что *tempus* – это время. В столбце *prolatio* чередовались значения *major* и *minor*.

В *sign* были значки в виде пустого целого круга, полукруга и круга, полукруга с точкой по центру – так отличался *minor* от *major*. Был еще один столбик. В нем находились сами мензуральные ноты – мензуры. Не считая ромба и отсутствия хвостов, в отличие от невм они действительно походили на ноты, которые привык видеть современный человек.

– Допустим, Зефир и Хлорида – это ключ, – выдал он после длительного размышления, – Даже нет! Только Зефир – ключ. Он не выделяется на фоне, но он связан с Хлоридой по сюжету. А кто следом? Флора? Она повязана с этой парой единым сюжетом. Зефир поймал Хлориду, Хлорида

забеременела и превратилась во Флору. Ключ ли тогда Зефир? Допустим Хлорида из-за положения рук – это *prolatio minor imperfectum*, несовершенная минорная мензура. Тогда Флора – это *prolatio major perfectum*, совершенная мажорная мензура. Потому что она обозначается полным кругом с точкой. Что вообще значит совершенная или несовершенная мензура? Или тут речь не о ноте, а о чем-то другом?

Термин «*prolatio*» оказался не прост для нашего понимания. Однако мы нашли, что *perfecta* – это было трехдольное деление, *imperfecta* – двухдольное.

«Для мензур каждой длительности существовали особые названия. Так, мензура *longa* называлась *modus*, мензура *brevis* называлась *tempus*, мензура *semibrevis* – *prolatio*. Позднее счетным временем стала нота *brevis*, отвечающая современной целой ноте. Виды ее мензур, т.е. *tempus perfectum* (деление на три *semibrevis*) и *tempus imperfectum* (деление на два *semibrevis*)...», – выловили мы отрывок из середины статьи сайта, открытого наугад. Пришлось пролистать в начало.

«К концу 13 века для обозначения длительности звуков и пауз в мензуральной нотации применялись следующие знаки: *duplex longa* (двойная длинная), *longa* (длинная), *brevis* (короткая), *semibrevis* (полукороткая)».

К абзацу прилагалось изображение с видом каждой ноты и паузой, оставшейся непонятой нами. Оказалось, что не все ноты обозначались ромбиками, только *semibrevis*.

«В 14 веке вошли в употребление еще более мелкие длительности – *minima* (самая малая) и *semiminima* (полуминима)».

В 14 веке начался Ренессанс. Поэтому я был не удивлен, прочитав, что в том же веке еще поменялась единица исчисления длительностей. Ею стала нота *semibrevis*.

«Ее подразделение на три доли *minima* обозначалось термином *prolatio major (perfecta)*, на две – термином *prolatio minor (imperfecta)*. В качестве отличительного знака употреблялась точка в знаке *tempus'a*».

– Ну что ж, более или менее понятно, – вздохнул Кенджи, – Тогда переходим к следующему персонажу. Венера. И Амур. Если продолжать придерживаться символики жеста рук, то Венера *imperfectum*. Амур ее сын. На картине он уже появился на свет. Тогда она *prolatio minor imperfectum*. Амур стреляет в трех харит, точнее он целится в ту, что посередине. Допустим Хариты – это три связанные между собой ноты. Опираясь на статью можно сказать, что три –

это perfectum. Они девственны, их руки сцеплены. Prolatio perfectum minor? Тогда кем является Меркурий?

– Меня больше интересует, почему Венера по уровню находящаяся выше Хлориды – минорная тональность, – наконец решил я подать голос.

– Потому что, если следовать логике, она уже родила ребенка. Она подходит под символ пустого круга. Я же это объяснял, – поднял на меня взгляд Кенджи.

– А что если это полукруг с точкой? Сын-то у нее есть и рядом с ней, – указал я на фигурку пухлого младенца с луком.

– Хорошая версия, – кивнул мой сосед после некоторого раздумья, – Тогда давай присвоим Венере prolatio major imperfecta. Хориты образуют хоровод. Они круг целый пустой... да, ты прав. Это больше подходит. И все-таки как обозначить Меркурия?

– Одна его рука упирается в бок – закрытый жест, другая поднята вверх. В глаза бросается ремешок, на котором висит меч. Он, по сути, образует пустой круг. Может, стоит присвоить ему prolatio perfectum minor? – предложил я.

– Допустим. Но вот я читаю, что бог Меркурий «является воплощением обмена, передачи и перехода из одного состояния или положения в другое». Не зря ж его в конце поставили. Что нам известно о «Весне» Боттичелли? – Кенджи потер подбородок.

– Что картина висела вместе с другим произведением Боттичелли, «Рождение Венеры», – вспомнил я факт из статьи в Википедии.

– Давай посмотрим, – открыл он новую вкладку и отправился на поиски другого шедевра.

На этот раз я смотрел на вторую приевшуюся (после Моны Лизы) картину другими глазами, и, действительно, она открылась для меня с другой стороны. На заднем фоне плыли темные тучи, прогнанные Меркурием с картины «Весна». В воздухе вместе с ветром Зефира летели цветы, что цвели под ногами Хлориды, когда та бежала от своего преследователя. Это было настолько странно и волнительно, что я пригнул смартфон поближе к себе.

– Что думаешь об этих фигурах? – спросил меня Кенджи, когда я отпустил его руку.

– Думаю, это будет сложнее. Тут жесты рук направлены в

другую сторону, но Зефир с Хлоридой находятся на своем месте – на западе. Хотя деревья тут с другой стороны – справа, а они могут быть продолжением сада на первой картине. Или наоборот началом и «Весну» не нужно отражать? – спросил он скорее себя, – Давай попробуем объединить две картины, – протянул он свой смартфон с «Рождением Венеры». Я открыл «Весну».

– Для начала попробуем без отражения по горизонтали, – протянул я Кенджи свой смартфон.

Два куска леса на первый взгляд дополняли друг друга, но логика рушила все единство.

– Тучи гонит ветер. Значит ли это, что Меркурий противостоит Зефиру и гонит его ветер с тучами прочь? И получается, что ткань в руках Грации развевается не в ту сторону, – ткнул я в угол, где бог с крылатыми сандалиями противостоял непогоде.

– Ты прав, но другими частями они не состыковываются. Если отразить «Венеру», то сад резко переходит в море, но зато теперь Меркурий направляет Зефира. И в целом это выглядит более гармонично, только почему мы взяли за начало погоню Зефира за Хлоридой? – сдвинул брови Кенджи.

– Давайте сравним даты написания, – пожал я плечами.

Не прошло минуты, как он объявил год:

– «Весна» была написана в 1482 году. «Венера» – в период с 1485 по 1486 годы. Значит все верно.

– А как быть с цветами, что летят со стороны Зефира в «Рождении Венеры»? И почему сначала написана взрослая Венера, а затем ее Рождение? – потер я складку меж бровями.

– Понятия не имею. Думаю, стоит оставить картину «Весна» без изменений и отразить только «Рождение Венеры», – Кенджи забрал из рук мой смартфон и повернул ко мне состыкованные телефоны, – Что думаешь?

– «Весна» должна быть справа, «Венера» – слева, – после того как он последовал моему совету, я продолжил, – Так возвращаемся к тому, что Меркурий направляет Зефира к заново родившейся Венере.

– Больше похоже на правду, – Кенджи кивнул и отложил смартфон.

***

За окном светало. Полтора часа, проведенные в машине,

пронеслись, словно ветер. Я чувствовал себя немного лучше, и теперь с интересом рассматривал окружавшие нас ландшафты. Пару раз в развалинах промелькнули чьи-то тени, но нас беспокоить не спешили. Вокруг царил мир и покой, только издали доносился раскатывающийся эхом грохот.

– Ты слышишь или мне кажется? – Кенджи приоткрыл дверь и прислушался к усилившемуся шуму.

– Что именно?

– Выстрелы, – Он повис на скрипящей дверной ручке, словно борясь с желанием выйти наружу, но повернулся ко мне со сжатыми до белизны губами и медленно закрыл дверь. – Лучше посижу в машине, – произнес Кенджи, прежде чем он вылетел из машины, а на его место села Александра.